

шений с Западом, принятие политического решения о выводе войск из Афганистана стало уже делом времени.

Такое развитие событий придало «второе дыхание» и женевским переговорам по выработке документов, которые юридически обеспечили бы вывод войск на фоне прекращения внешнего вмешательства в афганские дела. Однако пакистанская сторона и стоявшие за ней США, понимая, что советский контингент будет выведен в любом случае, резко ужесточили переговорные позиции, дабы добиться максимальных уступок, в том числе по срокам вывода и оказанию Кабулу советской военной и экономической помощи. Со своей стороны, моджахеды (которые не участвовали в переговорах) сохраняли полную свободу действий в борьбе с правительством. За рамками переговоров оставались также США, Саудовская Аравия, Иран, Китай и другие страны, активно поддерживавшие их.

При подписании пакета Женевских договорённостей 14 апреля 1988 г. в ответ на сохранение советской военной помощи ДРА после вывода войск Вашингтон сделал заявление о «позитивной симметрии», т.е. о продолжении аналогичной помощи моджахедам. Не прекратили её также Пакистан и Иран. По условиям договорённостей, вывод советских войск должен был осуществиться в течение девяти месяцев и в два этапа, завершившись в феврале 1989 г.¹¹

На мой взгляд, противникам коммунистического правительства Кабула удалось переиграть Москву, для новой политики которой Афганистан становился политической обузой. Не решил проблем страны и вывод советских войск. Придав импульс активизации моджахедов, он предопределил и падение президента Наджибуллы спустя три года. Возможно, события могли бы развиваться несколько иначе, однако распад Советского Союза поставил крест на альтернативах.

¹¹ Подробнее см.: Козырев Н.И. Роль дипломатии в разблокировке «афганского узла». М., 2010; Cordovez D., Harrison S. Out of Afghanistan. The inside story of the Soviet withdrawal. N.Y.; Oxford, 1995.

Рудольф Пихоя

Об условиях принятия решения о вводе войск в Афганистан

Rudolf Pikhoya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

On the circumstances of the Soviet invasion of Afghanistan

DOI: 10.31857/S086956870007419-1

В истории участия СССР во внутриафганском конфликте остаётся сложным вопрос об обстоятельствах принятия решений о вводе войск в Афганистан. При поиске ответа на этот вопрос необходимо, на мой взгляд, учитывать большое количество факторов, в частности, представления советских руководителей о перспективах развития международной обстановки, о возможности или невозможности руководства Афганистана подавить антиправительственный (антисоциалистический, по оценкам властей двух стран) мятеж, о роли

внешнего влияния (военной поддержки) в становлении социализма в странах «третьего мира», а также о роли различных ведомств в принятии важнейших политических решений. Выявление обстоятельств и причин ввода войск дополнительно осложняется тем, что влиятельные участники событий спустя несколько лет предложили свои объяснения произошедшего, пытаясь оправдать его задним числом.

Следует также учесть ряд факторов, затрудняющих исследование. Это последовательное игнорирование Конституции СССР, содержавшей ст. 121, которая давала право Президиуму Верховного совета в случае необходимости выполнять международные договорные обязательства по взаимной обороне от агрессии. Из-за этого не появилось и документов о подготовке решения о вводе войск. От принятия решения был устранён и Совет обороны. Во всяком случае, анализ фонда Совета в Архиве Министерства обороны показал отсутствие документов на эту тему¹.

Приходится констатировать, что многие решения по Афганистану не оформлялись документально и передавались исполнителям в устной форме. При попытках Съезда народных депутатов СССР в 1989 г. получить от М.С. Горбачёва и министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе внятный ответ об обстоятельствах начала войны всё закончилось обвинениями в адрес отдельных лиц, система же критике не подверглась². Закрадывалась мысль о том, что сопроводительные документы просто уничтожены.

Первые сведения о том, что вопрос о вводе войск обсуждался на Политбюро, обнаружены мной в 1992 г. в процессе изучения «рабочих записей заседаний Политбюро», в частности от 10 марта 1983 г. Тогда Ю.В. Андропов говорил, обращаясь к членам высшего партийного органа: «Вы помните, как трудно и осмотрительно решали мы вопрос о вводе войск в Афганистан. Л.И. Брежнев настоял на поимённом голосовании членов Политбюро. Вопрос был рассмотрен на пленуме ЦК»³. Здесь сразу бросается в глаза, что ввод войск состоялся в конце декабря 1979 г., а пленум с «афганским вопросом» — только 23 июня 1980 г., спустя полгода.

В принципе важные и спорные решения Политбюро могли и не записываться в «рабочих записях», само обсуждение таких вопросов могло происходить не на заседаниях с участием членов и кандидатов в члены Политбюро, а в «ореховой комнате» (только полноправными членами этого органа), а затем оформлялось опросом, «вкруговую», когда члены и кандидаты в члены Политбюро голосовали, расписываясь на проекте постановления. Но и в этом случае решения всегда оформлялись официально, постановлениями Политбюро. Однако в его делопроизводстве сведения о голосовании по вводу войск отсутствуют.

При исследовании «запечатанных конвертов» — высшей категории секретности, существовавшей в СССР, — удалось обнаружить несколько документов, проливающих свет на заключительный этап подготовки к вводу войск. В этих важнейших бумагах примечательно всё, поэтому рассмотрим их под-

¹ Белоусов И.И. К вопросу о принятии политических и военных решений при вводе советских войск в Афганистан // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2014. № 2(3).

² Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчёт. 12—24 декабря 1989 г. Т. IV, М., 1989.

³ АП РФ, Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 10 марта 1983 г., с. 13.

робнее. Прежде всего, бросается в глаза несоответствие стандартам оформления документов Политбюро. Это лист бумаги с заголовком «К положению в “А”», написанный от руки крупными буквами, разборчивым почерком заведующего Общим отделом ЦК КПСС, члена Политбюро К.У. Черненко. Под заголовком содержится следующий текст: «Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т.т. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А. Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А. Поручить т.т. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий. Секретарь ЦК». Далее следовал автограф: «Л. Брежнев».

Сверху, выше и вокруг слов «Постановление ЦК КПСС», мелким почерком и, возможно, позже, судя по расположению фамилий в перечне, записано: «Председательствовал тов. Л.И. Брежнев. Присутствовали: Суслов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарёв Б.Н.» Внизу листа, в левом нижнем углу другим почерком, чёрными чернилами, проставлен номер: 997оп (Особая папка. — *Р.П.*). В правом нижнем углу, под подписью Брежнева, тем же почерком проставлен номер П176/125 от 12/XII (номер постановления Политбюро. — *Р.П.*). Наискосок, по диагонали сверху справа вниз расположены автографы Андропова, Пельше, Громыко, Суслова, Гришина, Кириленко, Черненко, Тихонова, а также трёх иногородних членов Политбюро: Д.А. Кунаева (Казахстан), Г.В. Романова (Ленинградский обком) и В.В. Щербицкого (Украина). Кунаев проставил дату 25 декабря, Романов и Щербицкий — 26 декабря. Самыми последними пометами на тексте стали красный штамп «Особая папка» и пагинация — 5⁴. Высочайшая секретность текста привела к отступлению от всех стандартов и правил оформления документов высшего органа власти.

С этим документом непосредственно связан другой — машинописный, на четверти страницы А4. Это пояснительная записка, в которой сообщалось: «К № П 176/125 оп от 12/XII-79г. 26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали тт. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П 176/125 от 12/XII-79 г. должны тт. Устинов, Громыко, Андропов. Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время. Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. По вопросам, которые принимать решения, своевременно вносит в ЦК КПСС. № 13-оп К.Черненко. 27/XII-79»⁵.

Отмечу очевидные отступления от порядка оформления решений Политбюро и у этого документа. Уж кто-кто, а многолетний заведующий Общим отделом ЦК Черненко этот порядок знал. Прежде всего, это указание на то, что решение принималось на даче. Это беспрецедентно⁶. Перечень участников

⁴ РГАНИ, ф. 3, оп. 67, д. 265, л. 5. Изображение документа помещено на виртуальной выставке «100 раритетов российской государственности» (URL: raritety.rusarchiv.ru).

⁵ Изображение документа помещено в книге: Андропов. К 100-летию со дня рождения. Каталог историко-документальной выставки. М., 2014. С. 176.

⁶ В период Великой Отечественной войны многочисленные постановления Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждались и принимались на «ближней даче» Сталина. Но это никогда не указывалось

совещания (Брежнев, Устинов, Громыко, Черненко) не соответствует данным о выступавших (докладывал, в частности, Андропов). Опуская указание на то, что документ был напечатан не на бланке ЦК, отмечу опечатку («должили» вместо «доложили»), немислимую в официальном документе, подписанном Черненко.

Оба документа связаны не только тем, что во втором — ссылка на постановление от 12 декабря. В документе от 26 декабря речь идёт о выполнении решений, принятых прежде. То, что это именно постановление Политбюро, которое дало сигнал вводу советских войск в Афганистан, свидетельствуют отсылки к постановлению ЦК КПСС № П 176/125 от 12/XII-79 г. во всех документах, касающихся начала ввода войск. По всей вероятности, и первый документ тоже появился на даче Брежнева. Состав участников совещания 12 декабря неясен, но, очевидно, он соответствовал перечню 26 декабря: Брежнев, Устинов, Громыко, Андропов. Видимо, именно Устинов, Громыко и Андропов и составляли комиссию Политбюро ЦК по Афганистану, это была та самая «афганская тройка», как её именовал посол в США А.Ф. Добрынин⁷.

Для придания легитимности документ был завизирован подписями членов Политбюро. Датировка подписей Кунаева, Романова и Щербицкого совпадает с временем появления второго документа, в котором «тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время». Высочайшая, доходящая до мнительности и недоверия даже к наиболее проверенным сотрудникам аппарата Политбюро ЦК КПСС⁸ и к ведущим сотрудникам ЦК КПСС⁹ степень секретности и привела к формулировке заголовка: «К положению в “А”».

Судя по присутствию в Москве 26 декабря членов Политбюро из Ленинграда, Алма-Аты и Киева, именно с этого времени начались совещания всех членов высшего партийного руководства, которых проинформировали о том, что 25 декабря советские войска вошли в Афганистан. Встреча в узком кругу на даче Брежнева должна была подготовить согласованную позицию для заседаний, которые проходили с 27 до 29 декабря.

До нас дошли выписки из протокола № 177 заседания Политбюро ЦК КПСС от 27 и 29 декабря 1979 г.¹⁰ В первой — от 27 декабря — перечислены пакет указаний советским послам в социалистических и капиталистических странах и в ООН, проект сообщения ТАСС, «закрытое письмо» партийным организациям страны «О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана» и ряд других пропагандистских материалов, оправдывавших вмешательство в афганские дела. Оно объяснялось действием реакционных сил,

в документах (*Пихоя Р.Г.* Повестки заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) как источник по истории Великой Отечественной войны // 70-летие великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые Уральские военно-исторические чтения. Сборник научных статей. Ч. 1. Екатеринбург, 2015. С. 17—25).

⁷ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986). М., 1996. С. 454.

⁸ Это были сотрудники 6-го сектора Общего отдела ЦК КПСС, обеспечивавшего делопроизводство ЦК КПСС.

⁹ Примечательны в этом отношении мемуары В.М. Фалина, свидетельствующие о строжайшем режиме секретности, исключавшем возможность ознакомления с подготовкой к вводу войск даже для высшего звена аппарата ЦК КПСС (*Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С. 363—365).

¹⁰ Секретные документы из особых папок. Афганистан / Публ. А.С. Гроссман // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 4—15.

просьбой руководства дружественной страны оказать помощь и содействие в борьбе против внешней агрессии на основании Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Афганистаном от 5 декабря 1978 г.

В выписке от 29 декабря содержался перечень просьб о вводе в ДРА различных контингентов советских войск. Афганское руководство просило прислать экипажи танков и вертолётов, обеспечить охрану правительства, аэродромов, дорог, ввести армейские дивизии, спецподразделения и спецбригады, десантников для охраны Кабула, обеспечить личную охрану лидеров страны. «Всего таких просьб, направленных только через советских представителей, было около двадцати, — констатировали авторы документа. — Семь из них высказывались Х. Амином уже после устранения им Н.М. Тараки»¹¹. Складывается впечатление, что эта информация должна была убедить в вынужденности принятого решения. В Политбюро полагали, что войска вводятся ненадолго: «Пребывание наших войск в Афганистане будет кратковременным, после быстрой стабилизации обстановки в стране... наши войска будут возвращены домой»¹².

Итак — политическое сопровождение завершающего этапа ввода советских войск можно восстановить достаточно подробно. Но остаётся другой вопрос: почему руководство СССР полностью пересмотрело свою прежнюю позицию? Напомню, что впервые о возможности ввода советских войска в Афганистан заговорили руководители «правительства социалистической ориентации» после мятежа 17-й дивизии Вооружённых сил ДРА в провинции Герат 15 марта 1979 г. Разговоры председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина с руководством Афганистана сразу после этих событий свидетельствовали о полной утрате последним надежд на самостоятельный выход из кризиса. Тараки настаивал на немедленном вмешательстве Советской армии, по его словам, население настроено против власти, которую считает безбожной, большинство афганских офицеров, в том числе и подготовленных в СССР, — мусульмане-реакционеры, рабочие немногочисленны и не могут помочь. Он сетовал на вмешательство Пакистана и стоявших за ним американцев, на враждебную деятельность Ирана.

Косыгин задал примечательный вопрос: «У вас нет связи с передовыми людьми Ирана? Вы не можете им сказать, что у вас главный враг сейчас — Соединённые Штаты? Иранцы очень озлоблены против Соединённых Штатов, и в пропагандистском плане это, очевидно, можно использовать». В представлениях о двухполярном мире эпохи холодной войны казалось, что если Иран против США, то страна должна поддержать СССР и его союзника — Афганистан. До известной степени этот вопрос отражал представления советских вождей о политической ситуации в Центральной Азии на начало 1979 г. Разница между афганскими суннитами и иранскими шиитами просто не учитывалась, не говоря об отношении иранских фундаменталистов к афганским политикам, боровшимися с исламом. Впрочем, понимание этих факторов советское руководство усвоило очень скоро.

Как уже отмечалось, просьбы о вводе военнослужащих следовали из Афганистана по несколько раз в месяц. Советская сторона вновь и вновь повторяла, что помощь может быть оказана лишь оружием, боеприпасами, техникой.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. Политические портреты пяти генсеков и П.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 52.

Такой подход зафиксирован на заседании Политбюро 18 марта 1979 г. Министр обороны Устинов сетовал, что «руководство Афганистана недооценило роль исламской религии... а абсолютное большинство, может быть за редким исключением, верующие». Андропов отмечал: «Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать вопросы по-социалистически... мы можем удержать революцию... только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас». Громыко указывал на неизбежное осложнение внешнеполитического положения: «Все неприсоединившиеся страны будут против нас... Отпадёт вопрос о встрече Леонида Ильича с Картером, и приезд Жискара д'Эстэна в конце марта встанет под вопрос».

Однако с углублением политического и военного кризиса в Афганистане советскому руководству следовало решить: уходить из этой страны или ввести в неё войска, чтобы сохранить своё влияние и спасти дружественный политический режим? Позволю себе утверждать, что в принятии второго решения учитывались и сиюминутные обстоятельства — такие, как свержение и убийство в начале октября 1979 г. Тараки, которое в Кремле было воспринято как вероломство (незадолго до этого афганского лидера принимал Брежнев, а сменившего его Амина подозревали в том, что он пойдёт на сотрудничество с США), и международный контекст. Сохранение влияния в Афганистане рассматривалось как составляющая международного престижа СССР в условиях холодной войны. На заседании Политбюро 20 сентября 1979 г. Брежнев сказал прямо: «Теперь наша задача — определить, каким образом действовать дальше, чтобы сохранить позиции в Афганистане и укрепить там наше влияние»¹³.

Как известно, вторая половина 1970-х гг. стала временем обострившегося соперничества сверхдержав. За поражением американцев во Вьетнаме и заключением Хельсинкского соглашения о нерушимости границ в Европе последовали события в Иране: свержение проамериканского режима шаха и исламская революция. В начале ноября 1979 г. сторонники аятоллы Хомейни захватили посольство США. В свою очередь, правительство Соединённых Штатов предприняло военно-стратегическое сближение с Китаем. Осложнились отношения Китая с Вьетнамом, который заключил договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. Вскоре после этого вьетнамская армия вторглась на территорию Камбоджи, разгромила армию «красных кхмеров», за спиной которых стояли китайские военные инструкторы¹⁴. «Апрельская революция» в Афганистане и свержение режима Пол Пота могли расцениваться как усиление позиций СССР вдоль границ Китая. Попытки китайской армии разгромить вьетнамские войска и отторгнуть северные провинции, предпринятые в феврале—марте 1979 г., закончились неудачей на фоне демонстрации Вооружённых сил СССР в поддержку Вьетнама¹⁵.

Утрата контроля над Афганистаном представлялась политическому руководству СССР опасной. В стране усиливалось влияние Пакистана, за которым стояли американцы. Захват посольства в Тегеране спровоцировал демонстративное наращивание военной силы США (авиация, флот, силы быстрого реа-

¹³ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно... С. 451.

¹⁴ Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М., 2010. С. 390—397.

¹⁵ Мосяков Д.В. Политика Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и её влияние на безопасность и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. СПб., 2013. С. 77—92.

гирования) в Персидском заливе и на острове Диего-Гарсия¹⁶. В начале декабря 1979 г. Андропов в записке Брежневу прогнозировал, что образующийся в условиях внутрипартийной борьбы в НДПА при Амине вакуум власти заполнят американцы¹⁷.

Беспрецедентный режим секретности и исключительная роль политических руководителей КГБ и Министерства обороны, помноженные на проблему престижа Советского Союза, и обусловили принятие решения о вводе войск. Причём, при всех заявлениях о нежелании военного присутствия, под давлением афганской стороны и с согласия Брежнева, руководителей Министерства обороны и КГБ советские воинские формирования стали появляться в этой стране уже с июня 1979 г. Я опускаю сведения о постепенном наращивании военно-чекистской группировки, эта тема подробно освещена в книге В.С. Христофорова¹⁸.

Афганистан, превратившись из нейтральной, но дружественной Советскому Союзу страны в страну, где к власти пришли «марксисты», не способные удержать эту власть, стремительно превращался в «слабое звено» советской политики. Обращения афганских «друзей» об угрозе американского вмешательства только укрепляли устоявшиеся представления холодной войны. В этой логике речь шла уже не о том, что «наших бьют», а о том, что нас грозятся выдворить из страны, важной в стратегическом отношении, граничащей с Пакистаном, Китаем, советскими республиками Средней Азии. И многочисленные оценки аналитиков — военных, дипломатов, разведки — о нецелесообразности военного вмешательства, сложности боевых действий в этой стране, ссылки на неудачные попытки установить контроль над Афганистаном¹⁹ теряли силу.

Не следует забывать, что политическая целесообразность и уверенность в эффективности применения войск как способа поддержания просоветских режимов получили подтверждение в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. Почему бы не применить этот метод и в Афганистане? Да и собственно военных задач перед «ограниченным контингентом советских войск» не ставилось. Их цели виделись преимущественно политическими: сохранить просоветский режим, укрепить афганскую армию. Задача эта представлялась достаточно простой. Брежнев, по словам Добрынина, не считал, что ввод войск сможет серьёзно осложнить советско-американские отношения, полагал, что «вся эта операция закончится через три-четыре недели»²⁰.

Кроме того, для Министерства обороны появлялась возможность опробовать войска в условиях ограниченного военного конфликта (американская армия получила этот опыт в ходе вьетнамской войны и извлекла из него уроки), испытать пригодность новой техники; для подразделений КГБ — проверить боевое применение спецподразделений; для идеологов КПСС — доказать

¹⁶ *Сажин В.И.* 39 лет вводу советских войск в Афганистан. Как это было (URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21332>).

¹⁷ *Добрынин А.Ф.* Сугубо достоверно... С. 454.

¹⁸ *Христофоров В.С.* Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР. 1979—1989. М., 2016. С. 74—88.

¹⁹ Противниками планов введения войск в Афганистан были начальник Генштаба маршал Н.В. Огарков, первый замначальника ГШ генерал армии С.Ф. Ахромеев, главнокомандующий сухопутными войсками, замминистра обороны генерал армии И.Г. Павловский (*Белоусов И.И.* К вопросу о принятии политических и военных решений...).

²⁰ *Добрынин А.Ф.* Сугубо достоверно... С. 455.

справедливость тезиса о том, что «сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма»²¹.

Об этом не принято говорить, но в холодной войне были свои правила. Ялтинско-Потсдамские соглашения разделили Европу, оставив только Западный Берлин точкой возможного конфликта. Для понимания логики поведения в условиях конфликта в Европе показательны результаты встречи 22 июля 1968 г. госсекретаря США Д. Раска с советским послом, проинформировавшим американскую сторону о планах относительно планируемого вторжения в Чехословакию. Раск заявил: «Правительство США стремится быть весьма сдержанным в своих комментариях в связи с событиями в Чехословакии. Мы определенно не хотим быть как-то замешаны или вовлечены в эти события... Это — дело прежде всего самих чехов. Кроме этого — это дело чехов и других стран Варшавского договора»²².

Другое дело — Дальний Восток, Азия, Африка. Здесь правил не существовало со времен Корейской войны. Стороны стремились «загреть жар чужими руками» и были рады, если противник оказывался вынужден спасать своего союзника. Так было во Вьетнаме, когда войска США воевали с вьетнамцами. Так получалось и с Афганистаном, когда американской стороне оказалось достаточно только снабдить вооружением моджахедов и организовать мощную пропагандистскую кампанию.

Итак, цель ввода войск в Афганистан — сохранить и укрепить советское влияние, уже занятые в период холодной войны позиции — должна была оправдать средства: отстоять эти позиции в ходе боевых действий. Цена этих решений оказалась намного большей, чем думали принимавшие их...

²¹ Там же. С. 190.

²² АП РФ, ф. 3, оп. 91, д. 98, л. 25—26.

Дмитрий Рюриков

К истории ввода войск СССР в Афганистан. Комментарии

Dmitriy Ryurikov (Moscow, Russia)

On the history of the Soviet invasion of Afghanistan. Comments

DOI: 10.31857/S086956870007434-8

При рассмотрении вопроса о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. необходимо иметь в виду следующее. Если бы в апреле 1978 г. в стране не произошла революция, ситуация развивалась бы в спокойной обстановке, и сама идея принятия каких-либо экстренных мер в связи с острым кризисным положением, не говоря уже о вводе войск, просто не могла бы возникнуть. Исходной точкой исследований ввода войск в декабре 1979 г. и их вывода в мае 1989 г. нужно считать «Апрельскую революцию». В ходе неё революционно настроенные офицеры афганской армии свергли стабильный в целом режим М. Дауда, поддерживавший нормальные отношения и с СССР, и с США, и со странами Западной Европы, и привели к власти прокоммунистическую НДПА.